

ДРЕВНЕ- РУССКОЕ ИСКУССТВО

Рукописная книга

СБОРНИК ВТОРОЙ

МОСКВА

1974

783804

ИЗДАТЕЛЬСТВО • НАУКА •

К БИОГРАФИИ «ГОСУДАРЕВА ИКОННИКА» ФЕДОРА ЕВТИХИЕВА ЗУБОВА

О. А. БЕЛОБРОВА

СОВРЕМЕННОК Симона Ушакова, Федор Евтихийев Зубов (умер в 1689 году) известен главным образом по документам XVII века из архива Гос. Оружейной палаты, по подписям некоторых икон или прорисей к ним в Сийском иконописном подлиннике, а также по упоминанию в настенной летописи в соборе Новоспасского монастыря в Москве. Из документальных материалов следует, что Федор Зубов, вызванный в Москву в 1657 году из Великого Устюга, в 1660 году был привлечен к обширному заказу в Ярославле; что в дальнейшем в Москве его интересы не ограничивались иконописью, он участвовал (иногда на правах руководителя) в выполнении стеновой живописи соборов и храмов, в украшении рукописей, создавал образцы для гравировальных досок, расписывал знамена, бытовые вещи для царских теремов, — сочетая все это то с поновлением икон и целых иконостасов, то с обучением молодых иконописцев и т. п.

Исследователи XIX и начала XX века, публиковавшие выписки из архивных материалов, богатые сведениями о Федоре Зубове¹, не ставили себе целью разыскать его подлинные произведения и изучить индивидуальную манеру художника. В ряде случаев сопоставление документов и икон привело (в частности, А. И. Успенского и И. Э. Грабаря) к ошибочным аннотациям, убедительно отвергнутым позднее на основании прежде всего сравнительного стилистического анализа². Плодотворны наблюдения Н. Е. Мневой³, изучавшей художественные особенности Федора Зубова миниатюриста.

Однако облик Федора Зубова как художника все еще не ясен. Дальнейшее изучение творчества Федора Евтихьева Зубова, как представляется, должно определяться поисками его произведений московского и более ранних периодов —

¹ И. Е. Забелин. Материалы для истории русской иконописи. — «Временник имп. Московского общества истории и древностей российских», № 7. М., 1850, стр. 27, 32, 37, 38—39, 52, 55, 74, 104, 107, 109; е г о ж е. Перечень иконописных и живописных работ московских дворцовых и городских мастеров XVII столетия. — «Русский художественный архив». СПб., 1894, вып. 1, стр. 110, 114, 115, 116, 117, 119, 120, 121, 122, 124, 129—130; А. И. Успенский. Царские иконописцы и живописцы XVII в. Словарь. М., 1910, стр. 104—111.

² Ср. И. Е. Данилова, Н. Е. Мневой. Живопись XVII века. — В кн.: «История русского искусства», т. IV. М., 1959, стр. 400, прим. 1. Здесь воспроизведены две мало известные иконы и детали третьей иконы работы Ф. Зубова.

³ Н. Е. Мневой. Изографы Оружейной палаты и их искусство украшать книги. — В. кн.: 168 «Государственная Оружейная палата Московского Кремля». М., 1954, стр. 231—234.

ярославского (весьма кратковременного)⁴ и великоустюжского (более длительного). Обилие документальных данных позволяет расширить характеристику художественного языка мастера и уточнить некоторые биографические данные.

Прежде всего обратим внимание на известия источников о происхождении Федора Евтихеева Зубова. Принято считать, что Федор Зубов — родом из Великого Устюга⁵. Между тем еще в 1874 году была опубликована надпись на иконе 1652 года «Спаса Нерукотворенного» из Спасской всеградской церкви в Великом Устюге. В конце этой авторской надписи читается: «а писал многогрешный и недостойный в чловецех Усоляя Камскаго Федор Евтихеев сын Зубов». И. В. Евдокимов высказал в связи с этим предположение, оставшееся незамеченным: «Эта надпись позволяет установить, что Федор Зубов происходил из Усоляя Камского и только жил в Великом Устюге»⁶. Но, оказывается, давно известны упоминания о Федоре Усольце в других опубликованных источниках. Одно из них — надпись на оброте прориси поясного Спаса в Сийском иконописном подлиннике (ГПБ, Собр. ОЛДП, Ф. № 88, л. 131): «Знамя Федора Усольца»⁷; другое упоминание, привлеченное еще Н. В. Покровским, содержится в грамоте царя Алексея Михайловича 1660 года о дозволении иконописцу Федору Усольцу написать иконы в Антониево-Сийском монастыре, пострадавшем от пожара в 1658 году. Из текста грамоты, опубликованной в 1878 году, следует, что «есть де иконописец на Устюге Федор Усолец»⁸, которого и стремились залучить к себе монастырские власти. По всей вероятности, Федор Усолец в Антониево-Сийском монастыре не работал. Как явствует из документов Оружейной палаты, Федор Усолец, он же Федор Евтихеев Зубов, в феврале 1660 года находился в Ярославле: «И ныне ведомо нам, великому государю про него Федора учинилось, что он Федор живет в Ярославле у гостя нашего у Аникея Скрыпина»⁹.

Таким образом, Федор Зубов, судя по трем письменным свидетельствам, происходил не из Великого Устюга, а из Усоляя Камского, и родиной его были не вологодские, а пермские края.

Не менее важно разобраться в именах художника. Мы могли убедиться, в документах они достаточно разнообразны: «Федор Усолец», «Усоляя Камскаго Федор Евтихеев сын Зубов», «иконописец на Устюге Федор Усолец», «Федор Евтифеев (Евтихеев, Евтихий, Еутихий)», «Федор Евтифеев сын Устюженец», «иконописец с Устюга Великаго Федор Евтифеев», «государев изуграф Федор Евтихий, государев иконник», наконец «Федка Зубов», и другие.

Можно предположить, что сочетание имени Федора с каким-либо географическим понятием («Усолец», «Устюженец») является иногда датирующим признаком. Например, Усольцем Федора Зубова называют, возможно, после приезда в Великий Устюг, а в Москве он же — Устюженец или иконописец с Устюга Великого¹⁰, пока он не стано-

⁴ В Ярославле хранятся две подписные иконы, Федора Зубова. Благодарю за это указание В. Д. Лихачеву и Е. П. Юдину.

⁵ Ср. Д. А. Ровинский. История русских школ иконописания до конца XVII века. СПб., 1856, стр. 146—147; е г о ж е. Обзорение иконописания до конца XVII века. СПб., 1903, стр. 136—137; Н. В. Покровский. Сийский иконописный подлинник, вып. 3. СПб., 1897, стр. 152; А. И. Успенский. Царские иконописцы и живописцы XVII в. Словарь, стр. 104; «Русский биографический словарь». Пг., 1916, стр. 548—549; Н. Е. Мнев а. Изографы Оружейной палаты..., стр. 230; И. Е. Данилова, Н. Е. Мнев а. Живопись XVII века, стр. 397.

⁶ А. М. Попов. Спасская всеградская церковь в г. Устюге. — «Вологодские епархиальные ведомости». Прибавления. 1874, № 23, стр. 408—409; И. В. Евдокимов. Север в истории русского искусства. Вологда. 1921, стр. 76.

⁷ Н. В. Покровский. Сийский иконописный подлинник, вып. 3, стр. 122.

⁸ Макарий, епископ. Исторические сведения об Антониевом Сийском монастыре. М., 1878, стр. 57—58.

⁹ Царская грамота от 10 февраля 1660 года. Цит. по кн.: И. Е. Забелин. Материалы для истории русской иконописи, стр. 37.

¹⁰ Ср. Н. М. Молева. Цеховая организация художников в Москве XVII—XVIII вв. — «Вопросы истории», 1969, № 11, стр. 48.

вится признанным государевым иконником¹¹; в этот последний период географическое прозвище употребляется все реже и в конце-концов вовсе отпадает¹².

Труднее проследить, когда к имени Федора добавляется его фамилия Зубов, а когда она опускается¹³. Иногда вместо Зубова читаем — Зубков¹⁴. Художника называют: 1) Зубов Федор Евтихийев; 2) Федор Уsoleц и 3) Феодор Евтихийев¹⁵.

Федор Зубов упоминают в до сих пор не привлекавшей внимания «Росписи устюжанина Васки Леонтьева Колмогорова святым иконам» (ГПБ, Собр. актов и грамот, № 4873)¹⁶, написанной небрежной скорописью конца XVII века на столбце (неполная филигрань бумаги — герб со львами — сходна, но не аналогична № 1592, 1686 год, по Тромонину, а также № 53, 1687 г. и № 56, 1690 год, по Герасимову). Здесь перед нами перечень икон с подробным описанием окладов («и у тех вышеписанных оклады и венцы у всех серебряные»). Время, место и цель составления перечня неизвестны. Принадлежность икон (монастырю, собору, храму, частному владельцу) не оговорена, но в двух случаях сообщается: «образ пресвятыя Троицы, работа Федора Евтифиева» и «образ Вознесения Господня, письмо Сергия монаха». Названы 12 икон: 1) «образ Спасителей Смоленских, подножи святителие», в басменном окладе; 2) образ «Спасов Нерукотворенный», оклад чеканный, «около его празники господския»; 3) «образ Спасов Смоленской» в басменном окладе; 4) «Спасов образ Нерукотворены» в басменном окладе; 5) «Богородица Одигитрия», «венеч с короной, гривна серебряная под финифтом»; 6) «Богородица Одигитрия» в басменном окладе, венеч и гривна чеканные; 7) «Богородица с младенцем», с камнями и жемчугом в вещах, ожерельем, рясами, с крестом и панагией; 8) «Троица» в белом чеканном окладе («работа Федора Евтифиева»), 9) «Воскресение Христово», оклад серебряный, сканный, «под финифтом», золоченый; 10) «Вознесение» («письмо Сергия монаха»), оклад чеканный, белый; 11) «Никола Чудотворец», в гладком золоченом окладе, с финифтью и сканью на репьях и наугольниках; 12) «Никола» в чеканном золоченом окладе. Размеры икон нигде не указаны. Как в начале, так и в конце документа сообщается имя ее составителя устюжанина Васки Леонтьева Колмогорова: «Сию роспись писал Васка Колмогоров своею рукою». На обороте столбца другим почерком написано: «крепости на иконы».

¹¹ Известность художника как Федора Усольца и как «царского изуграфа» зафиксирована в Сийском иконописном подлиннике, включившем в свой состав явно разновременные материалы.

¹² В «Словаре» А. И. Успенского (стр. 104) Федор Зубов назван «соливычегодским» иконописцем; по всей вероятности, это результат перефразировки не совсем ясного места челобитной ярославского купца Воишатия Скрыпина 1660 года, адресованной царю Алексею Михайловичу. Здесь говорится: «В прошлом, государь, в 166 [1658] году волею божиею в Ярославле... в каменной церкви у Покрова пресвятыя богородицы двери царские и деисусы и местные иконы все пригорели. И в нынешнем, государь в 168 [1660] году порядил я [В. Скрыпин.— О. Б.], сирота твой, к той церкви Соливычегодской [?] иконописца Федора Евтифиева писать двери царские и местные иконы и деисусы, и наперед дал ему деньги многие, чем ему от долгов окупитца, и в Ярославль его с женою и с детьми привез...» (цит. по кн.: И. Е. Забелин. Материалы для истории русской иконописи, стр. 38—39). Пострадавшая от пожара церковь Покрова св. Богородицы более известна под именем церкви Ильи Пророка или Ильинской; в качестве церкви «божияго пророка Ильи» она упоминается, например, в известном Сказании о ярославском пожаре (ср. М. А. Салмина. «Сказание вкратце о бывшем пожаре града Ярославля». — ТОДРЛ, т. XXI. М.— Л., 1965, стр. 323). Возможно, при публикации списка грамоты И. Е. Забелин неточно истолковал второе наименование церкви.

¹³ Например, в приходорасходных денежных книгах Оружейной палаты 1666—1667 годов постоянно фигурирует «иконописец Федор Евтифеев», но в одном случае он упоминает как «иконописец Федор Зубов». Ср. А. Е. Витков. Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов 1613—1725 гг., вып. 2. М., 1883, стр. 439—440.

¹⁴ Ср. Д. А. Ровинский. История русских школ иконописания до конца XVII века, стр. 146. Оба написания — Зубов и Зубков — приводит Русский биографический словарь, стр. 548.

¹⁵ Н. В. Покровский. Сийский иконописный подлинник, вып. 4. СПб., 1898, стр. 233 и 237 (Алфавитный указатель имен и предметов).

¹⁶ Хотя текст Росписи опубликовал А. И. Яцимирский (ЧОИДР, 1897, кн. 1, V, Сметь, стр. 2—3).

Почерк Василия Колмогорова ничем не примечателен; манера письма не писарская; вероятнее всего, что перед нами не список, а подлинная первоначальная Роспись. Несколько раз допущены описки, исправления, повторение слов (как будто человек отрывался от перечня, чтобы посмотреть на икону, на ту или другую деталь ее богатого оклада), пропуск предлогов, букв. В таком виде Роспись едва ли предназначалась для официального представления куда-либо.

Составитель Росписи сообщил свое имя, отчество, фамилию (или прозвище) и географическую принадлежность: устюжанин. В Устюге в конце XVII в. фамилия Колмогоровых известна¹⁷.

В Переписной книге Устюга 1677—1678 годов мы находим упоминание 11-летнего Васки, сына Левки Прокопьева Колмогорова¹⁸. Левка, или Леонтий Прокофьев Колмогоров неоднократно упоминается в Писцовой книге Устюга Великого 1676—1683 годов: то как владелец дворовых мест на улице Гулыне, на улице Корчагина и в переулке из улицы Ленивицы, то как владелец лавочных мест, а под 1683 годом он назван по должности: «посаду земской староста Леонтей Колмогоров»¹⁹. К концу XVII века (90-е годы), к которому относится роспись, судя по филиграни бумаги, Васка Леонтьев Колмогоров был человеком в возрасте около 30 лет.

Поиски этого лица среди иконописцев XVII века, устюжских или московских, не привели ни к каким результатам. Так, иконописец Василий Леонтьев (никогда не называвшийся Колмогоровым) в 1678 году был уже жалованным мастером, а до этого был певчим дьяком при царском дворе²⁰. Василий Колмогорец, по отцу Иванов, а не Леонтьев, также по возрасту много старше Васки Колмогорова, да и не бывал в Великом Устюге²¹.

Роспись избранных 12 икон не называет прославленных в Великом Устюге святых, Иоанна или Прокопия. Наиболее примечательно упоминание «Спаса Смоленского», представляющего собой, как заметил Н. П. Лихачев, — просторечное определение икон «Христос Вседержитель» в рост²². С этим же определением мы встречаемся в Переписной книге Антониева-Сийского монастыря 1692 года: «образ Всемилостиваго Спаса Смоленской»; «образ Спас Смоленской»²³; в Сийском иконописном подлиннике этот иконографический тип, впрочем, так не называется. В опубликованных материалах архива Оружейной палаты это название также нам не встретилось. Зато в Великом Устюге иконы «Вседержителя» носят устойчивое наименование «Спас Смоленский», если судить по Писцовой книге 1676—1683 годов. Здесь при описании группы церквей, стоявших «у торгу на площади» — Воскресенской, Вознесенской и Богоявленской, с приделами во имя Спаса Нерукотворенного, Николая Чудотворца, Богородицы Одигитрии, находим неоднократные упоминания как этого иконографического типа — Спаса Смоленского, так и почти всех перечисленных в Росписи икон²⁴. К сожалению, в Писцовой книге при описании все той же группы церквей, как, впрочем, и всех других, не указано авторство икон. Иногда названы вкладчики: «положение Афонася Гусельникова», «а те все церкви строеные гостиной сотни Никифора Ревякина», «приклад Жилиных», «а в тех вышешисан-

¹⁷ Н. И. Суворов. Устюг Великий в конце XVII столетия. — «Памятная книжка Вологодской губернии на 1864 год». Вологда, 1864, стр. 39.

¹⁸ В. кн.: «Устюг Великий. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий». М., 1883, стр. 157—158: «Левка, Васка Прокопьевы Колмогоровы, у Левки сын Васка 11 лет».

¹⁹ В кн.: «Устюг Великий. Материалы...», стр. 99, 107, 124, 133, 134, 142. Очевидно, семья Колмогоровых жила в переулке из улицы Ленивицы: «во дворе Левка Прокопьев Колмогоров, у него сын Васка» (стр. 124).

²⁰ А. И. Успенский. Царские иконописцы и живописцы XVII в. Словарь, стр. 155—156.

²¹ Там же, стр. 146—148.

²² Н. П. Лихачев. Материалы для истории русского иконописания. Атлас, ч. II. СПб., 1906. Оглавление атласа таблиц, стр. 1, табл. ССХVIII, № 390.

²³ БАН, Арханг. Д., № 387, л. 21, об., 72, 72 об.

²⁴ В кн.: «Устюг Великий. Материалы...», стр. 58—71.

ных Вознесенской и Богоявленской церквях и в пределах образы и ризы и книги и всякая утварь строение гостиной сотни Калины и Никифора Ревякиных и приходских людей». Порой отмечена ветхость икон: «да в паперти икона Страшный суд божий ветхая».

Сопоставление описаний икон в Росписи и в Писцовой книге 1676—1683 годов позволяет заметить общие черты. Во-первых, и в Росписи и в Писцовой книге названы иконы в окладах. Во-вторых, в обоих текстах употребляется иконографическое определение «Спас Смоленской»: в Росписи так названы две иконы из 12, а в Писцовой книге иконы этого типа перечислены трижды, как упоминалось выше, при характеристике утвари Вознесенской, Богоявленской и Воскресенской церквей и, кроме того, в убранстве храмов Рождества Христова, св. Николая и дымковской церкви Дмитрия Солунского²⁵. В-третьих, иконографический подбор всех 12 икон Росписи можно встретить среди богато украшенных образов все той же группы церквей — Вознесенской, Богоявленской и Воскресенской, с приделами, а иконы по отдельности — и в других церквях.

Имеются и существенные отличия между обоими описаниями. Прежде всего описание Писцовой книги более раннее по времени (судя по филиграну бумаги Росписи). В Писцовой книге точно определена принадлежность иконы храму, собору или приделу; расположение ее в этом храме (в иконостасе, в паперти и т. д.); особенно тщательно описываются оклады икон и названы вкладчики. В Росписи, напротив, перечень икон сделан без указания, откуда они, где их место, как они соотносятся между собой и где расположены. Довольно подробно описываются здесь оклады. Заметим, что в отличие от Писцовой книги в Росписи «цаты» названы всюду «гривнами»; подобное их наименование встречаем в Сотной или Писцовой книге Устюга 1630 года²⁶. В росписи сообщено два имени авторов икон, Писцовая книга не приводит ни одного. Между тем по другим источникам XVII века можно установить имена авторов ряда икон, упоминаемых в Писцовой книге: это и Федор Зубов, подписавший икону «Спас Нерукотворный» в 1652 году (см. стр. 169), и Василий Спиридонов из Холмогор, писавший иконы для соборной церкви в 1674 году²⁷, и Михайло Гаврилов Югов, выполнивший в 1675 году две местные иконы («Воскресение» и «Иоанн Богослов») для Богословской церкви²⁸, и его сын Алексей Михайлов Югов, трудившийся для великоустюжского собора в 1677 году²⁹, и другие.

Составители Писцовой книги (Алексей Иванович Лодыженский, подьячий Алексей Ерофеев, стольник Никифор Сергеевич Ефимьев, стольник Иев Иванович Поярков, дьяк Андрей Покрышкин) не придавали значения авторской принадлежности икон, может быть, даже известной им.

Составитель Росписи Васка Леонтьев Колмогоров сообщил имена двух авторов икон: «работа Федора Евътифиева» и «письмо Сергия монаха», он не поясняет, кто эти мастера, когда и где они работали. И если для нас, при обилии других источников, не составляет труда понять, что Федор Евътифиев — очевидно, Федор Евтихиев Зубов, долго живший до 1657 года в Великом Устюге, то Сергей монах не отождествляется в настоящее время с каким-либо известным иконописцем конца XVII века³⁰.

²⁵ В кн.: «Устюг Великий. Материалы...», стр. 59, 61, 67; 53, 56 и 127.

²⁶ В кн.: «Устюг Великий. Материалы...», стр. 1—41.

²⁷ «Акты Холмогорской и Устюжской епархий», ч. 2.— РИБ, т. XIV. СПб., 1894, № 993. II, стлб. 989—992.

²⁸ Ср. записи в «Книге издержечной денежного зборщика Григорья Мыльникова с товарищи, что держано Богословской церкви и трапезы на поставку и на всякое церковное строение 181 и 182 (1673 и 1674) годов» в Сборнике ГПБ, Q. П. 44, XVII в., лл. 83 об., 88 и 88 об.

²⁹ «Акты Холмогорской и Устюжской епархий», ч. 2, стлб. 992—993.

³⁰ В подписи иконы «Деяния Спаса Нерукотворного», написанной в 1679 году для церкви Спаса за Золотой решеткой Теремного дворца Московского Кремля рядом с именами художников Федора Евтихиева и Леонтия Стефанова долгое время читали имя какого-то Сергия. Однако уже в

Маловероятно, чтобы устюжанин Васка Леонтьев Колмогоров составлял свою Роспись не в Устюге. Во всяком другом городе Федора Евтихиева после 1664 года называли бы жалованным, а то и государевым иконоником или изуграфом, как он назван на листах Сийского иконописного подлинника. В Устюге же о художнике знали независимо от его карьеры в Москве. По всей вероятности, Васка Леонтьев считал и Федора Евтихиева и Сергия монаха своими земляками. Участие в иконописном деле монаха может указывать на происхождение икон не из городских приходских церквей, а из какого-либо великоустюжского монастыря.

Однако ни в одном из монастырских храмов нам не удалось найти подбора икон в указанном в Росписи составе. Вернее всего предположить, что перечисленные здесь «образа» не сопровождаются указанием на место их происхождения потому, что фиксировались иконы из разных храмов, оказавшиеся вместе случайно. Возможно, правда, и другое предположение, что в Росписи названы иконы из домашнего обихода посадского человека Васки Леонтьева Колмогорова, сына зажиточного человека, земского старосты. Но против этого — отсутствие в Росписи икон местночтимых великоустюжских святых, богатство и даже роскошь окладов, а также имя иконописца-монаха, более уместное для храмовых святынь.

При каких же обстоятельствах могли оказаться вместе иконы в окладах, снятые с привычных мест в церковном здании и доступные для описи грамотному устюжанину Васке Леонтьеву Колмогорову, не иконописцу, не ювелиру, и не служащему в церковном причте? В конце XVII века в Великом Устюге были для того поводы — наводнения, пожары. В частности, сильные пожары были в 1679, в 1699 и в 1705 годы. Вот как сообщается в Писцовой книге 1676—1683 годов о судьбе церковной утвари Троицкой и Варваринской церквей, пострадавших в 1679 году: «и в прошлом во 187 году в пожарное время те церкви сгорели, и с того пожара вынесли двери царские, столпцы и сень деревянные резные, писаны на золоте, да икон настоящих...» (далее следует их перечень)³¹.

Роспись могла быть написана в 1699 году, когда «сентября в 13-й день, на Воздвижение честного и животворящаго креста Господня в Устюге Великом был пожар, в котором много церквей погорело, как-то: Рождественская, Николаевская, Варваринская, Вознесенская, Богословская, в Городище Спасская и Варлаамовская; дворов сгорело тогда 692, и наречется тот пожар Воздвиженской и доныне»³².

Может быть, в нашей Росписи названа часть уцелевших при пожаре храмовых икон, вынесенных в спешке и временно где-то сохранявшихся. Двор Колмогорова-старшего, Леонтия Прокофьевича был ближе всего к жилью священника Симеоновской церкви³³, но этот храм пострадал от более позднего пожара, в 1715 году, да и подбор икон в нем в конце XVII века не соответствовал Росписи.

Между тем в пожаре 1699 года сильно обгорели церкви на Вознесенской площади, где у Колмогоровых уже в 1683 году было свое дворовое место, как об этом сообщалось в той же Писцовой книге 1676—1683 годов³⁴. Может быть, Васке Леонтьеву

Словаре А. И. Успенского (стр. 111) высказано предположение, что здесь назван «Сергий (вероятно, Васильев Рожков)». В настоящее время уточнено чтение имени мастера: Сергей Костромитин (Рожков). Ср. публикацию уточненной надписи: И. Е. Д а н и л о в а, Н. Е. М н е в а. Живопись XVII века, стр. 400, прим. 3.

³¹ В кн.: «Устюг Великий. Материалы...», стр. 57, ср. упоминание, что тогда же выгорела и Николаевская шатровая пятикупольная церковь.

³² А. А. Т и т о в. Летопись великоустюжская. М., 1889, стр. 75.

³³ В 1765 году над выполнением иконостаса этой церкви трудился Василий Колмогоров, оставивший подпись и дату. Возможно, это был потомок той же семьи. Ср. А. М. П о п о в. Церковь преподобного Симеона столпника в г. Устюге. — «Вологодские епархиальные ведомости», 1885, № 21, часть неофициальная, стр. 421—435. Известен в XVIII веке и иконописец Алексей Колмогоров, появившийся в 1774 году икону в соборе Великоустюжского Архангельского монастыря. Ср. П. И. С а в в а и т о в. Описание Великоустюжского Архангельского монастыря. СПб., 1848, стр. 10.

³⁴ В кн.: «Устюг Великий. Материалы...», стр. 107.

Колмогорову потому и довелось произвести опись оказавшихся вместе икон. Сведения об авторах двух икон, возможно, были извлечены составителем Росписи из подписей на иконах, или они были ему известны как устюжанину и приведены по памяти — судить трудно.

Поскольку сами иконы не сохранились (или до сих пор не обнаружены), свидетельства Росписи остаются не проверенными. Однако даже если эти известия легендарны, все же упоминание имени Федора Зубова в великоустюжском документе конца XVII века показывает, как долго помнили этого художника в одном из древних севернорусских городов.

Ниже приводится текст Росписи.

Роспись устюжанина Васки Леонтьева Колмогорова святым иконам: образ Спасителей Смоленсков подножи святителие, оклад басмяной золоченой^а, венец и гривъна чеканые золоченые, на короне четыре зерна, пристежь жемчюжная; образ Спасов Нерукотвореный, писан на кипарисе, оклад чеканой и венец^б чеканые золоченые, гривъна чеканая золочена, пристежь жемчюжная, около его празники господския, обложены глатким окладом золоченым; образ Спасов Смоленской, оклад басмяной золоченой, поля резные золочены, венец и гривъна чеканые золочены; Спасов образ Нерукотворены, оклад басмяной золочен, венец венец^в чеканой золоченой, гривна чеканая, бела пристежь жемчюжная; образ Пресвятыя Богородицы Одегитрии с превечным младенцем, оклад, венец с короной, гривна серебряная под финифтом золочены, возгавие жемчюжное, серьги жемчюгами; да образ Пресвятыя Богородицы с превечным младенцем Одегитрии, оклад басмяной золоченой, венец и гривъна чеканые золоченые, возгавие и пристежь у превечнаго младенца^г и у Богоматери жемчюжные; да образ Пресвятыя Богородицы с превечным младенцем, оклад, поля, венец и гривъна увенцано, корона золочены, [в]^д венце камень яхонт красной, два камня вишневые, на короне девять камешков жемчюгами, среди короны бирюза, да пониже яхонта по сторонам две бирюзы; у превечнаго младенца [в]^е венце две винисы, да две бирюзы, возгавие и ожерелне у Богоматери с превечным младенцем жемчюжные^ж рясы по сторонам в чюсах жемчюжные, в гривъне камень виниса, крест серебряной, да панагия с тремя зернами; образ пресвятыя Троицы, работа Федора Евътифиева, оклад чеканой белой; образ^з Воскресения Христова, оклад серебряной сканой под финифтом, золоченой; образ Вознесения Господня, письмо Сергия монаха, оклад чеканой белой; образ Николы чудотворца, оклад глаткой золоченой, наугольники и репье серебряные под финифтом, сканые золоченые, венец чеканой золоченой; образ Николин, оклад и венец и гривъна чеканые золоченые.

И у тех вышеписаных оклады и венцы у въсех серебряные та^и.

Сию роспись писал Васка Колмогоров своею рукою.

На обороте:

Крепости на иконы^к.

(ГПБ, Общее собрание актов и грамот, № 4873, столбец).

^аДалее читается нец (конец слова венец?). ^б Венец исправлено на венецы, причём последняя буква расплылась. ^вТак в рукописи. ^гВ рукописи младенца. ^жОтсутствует в рукописи.

^еОтсутствует в рукописи. ^жВ рукописи жемчюжные.

^зТак в рукописи. ^иТак в рукописи. ^кДругой почерк.